

Павел Флоренский

Св. Иаков, Брат Господень (характеристика «Послания» и личности)

От редакции. Эта ранняя работа выдающегося русского богослова, ученого и мыслителя Павла Флоренского написана им во время обучения в Московской Духовной Академии. Она представляет собой семестровое сочинение за 3 курс по Новому Завету, которое, впрочем, было подано научному руководителю Флоренского профессору Митрофану Дмитриевичу Муретову¹ перед самым окончанием Академии, уже после завершения кандидатского сочинения.

Работа написана от руки чернилами на нелинованных листах бумаги, сшитых в виде небольшой тетради, ее объем – 42 страницы; на обложке тетради (см. рис. на след. стр.) карандашом дописано: «С пометами † М. Д. Муретова».

Прочитав работу, проф. Муретов на верхнем поле 1-й страницы тетради поставил оценку «5» и дал ей следующую словесную характеристику (к сожалению, два слова в ней разобрать не удалось):

Жаль, что нет характеристики св. Иакова, как <2 нрзб.>. Но и что есть, крайне любопытно и оригинально. 5.

Рукопись является беловиком, но содержит некоторые зачеркивания, исправления и вставки. В тексте имеются многочисленные подчеркивания, сделанные как ее автором, так и (синим карандашом) руководителем работы Муретовым (последние мы показываем при публикации двойным подчеркиванием, чтобы отличать их от помет Флоренского). В некоторых случаях Муретов зачеркивает отдельные слова, пишет замечания на полях

---

¹ Митрофан Дмитриевич Муретов (1850–1917), русский православный экзегет и патролог. Окончил МДА, с 1878 г. – приват-доцент МДА по кафедре Священного Писания Нового Завета; в 1885 г. получил степень магистра за исследование о Филоне Александрийском, в 1893 г. – степень доктора за работу о ветхозаветном Храме и был назначен профессором академии. Современники вспоминают о нем как о человеке огромной учености, предельно скромном, всецело погруженном в научную работу. Флоренский (впрочем, как и большинство студентов) относился к Муретову с глубоким уважением и считал своего учителя одним из лучших профессоров академии. Несомненно, что активное использование Флоренским филологических изысканий в богословских и философских работах и одновременное сознание второстепенного значения этого рода исследований роднит его с Митрофаном Дмитриевичем Муретовым, «одним из наиболее уважаемых и заслуженных богословов нашей Родины» (*Флоренский Павел, свящ.* Соч. в 4-х т. Т. 3 (1). М., 1999. С. 291).

Св. Яковъ, братъ Господенъ
(характеристика покаяния и личности).

наброски.

□ поминания † МД Мухоморова.

Павелъ Флоренский,

ст. 4 курса МДА.

1908 ^{IV-V}.

Сергиевскъ Посадъ.

Открыто 5^м мая 1908.

рукописи; имеется также небольшое число исправлений, сделанных Флоренским простым карандашом при позднейшем просмотре работы (все указанные пометы отмечены в соответствующих примечаниях).

Хотя автор включил данную работу в проспект своего будущего собрания сочинений, но подготовлена к печати она не была, о чем свидетельствуют некоторые описки и стилистические погрешности. При подготовке рукописи к печати нами были исправлены явные опечатки, а орфография и синтаксис текста приведены к современным нормам.

Рукопись хранится в архиве П. А. Флоренского (Музей священника Павла Флоренского, Москва) и предоставлена для публикации директором Музея игуменом Андроником (Трубачевым).

I

[с. 1] «...про него рассказывают, что лицом, жизнью и манерою разговора он весьма походит на Господа Иисуса, – как если бы был Его братом-близнецом от той же утробы. Говорят про него, что увидеть его – это значит увидеть и Самого Иисуса во всех черточках его тела, secundum omnia corporis ejus lineamenta»*.

Таков слух, бродивший среди христианского мира об Иакове, Брате Господнем, уже при жизни его, – если верить преданию, признающему подлинность Письма Игнатия Богоносца к Иоанну Богослову.

Нам бесконечно дорога даже малейшая, даже сомнительная святыня, связываемая с именем Господа, и тем более дорогим является образ Брата Его, в котором – по преданию – дается точнейшее подобие [с. 2] Самого Господа «по жизни, лицу и манере разговора». Вглядеться в «lineamenta» Иакова – это значит приобрести нечто для конкретного представления Начальника Жизни. И потому достаточно сказать это, чтобы понять благочестивую жадность Игнатия Богоносца, с которою он стремился «увидеться и говорить»** с Братом Господним*. «Кому, – если только он друг нашего упования и нашей веры, – кому, – восклицает он, – не доставит услаждения² видеться и говорить с ним»***. Задача настоящей работы – взглянуть в «lineamenta» Иакова.

Но, – скажут, – можно ли приравнивать Господа Брату Его? Человека брать за исходный пункт для представления Богочеловека?

– Да, и если бы lineamenta Иакова в отношении к Господу были бы не более, как детские штрихи в сравнении с картиною Рафаэля, и тогда они требовали самого внимательного присматривания к себе, – как подлинные, хотя и грубые, очерки человеческой природы Спасителя.

Итак, каков Брат Господень?

* «Quem enim non delectet videre eam et alloqui, quae verum Deum de se peperit, si nostrae sit fidei et religionis amicus? Similiter et illum venerabilem Jacobum, qui cognominatur Justus; quem referunt Christo Jesu [в нек. ркпп.: Domino Christo] simillimum facie [последн. слова нет в парижск. изд. 1495 г.], vita et modo conversationis, ac si ejusdem uteri frater esset gemellus. Quem dicunt si videro, video et ipsum [et ipsum не имеется ни в парижск. изд. 1495 г., ни в кельнском – 1557 г., равно как и в нек. ркпп.] Jesum secundum omnia corporis ejus lineamenta». В. Ignatii ad S. Joannem apostolum et evangelistam epistola (PG. T. 5. Col. 943–944b). – *Прим. П. Ф.*

** Id. – *Прим. П. Ф.*

² Услады – позднейшая правка автора.

*** Id., передаю текст в вольном переводе. – *Прим. П. Ф.*

II

Вглядеться в св. Иакова – это значит прежде всего взглянуть в его «Послание». И тут, как ближайшие перевалы, встают предварительные вопросы.

Какова форма Послания? Какова внутренняя его структура? Каков метод мышления у Автора Послания? Каковы стилистические пристрастия и особенности? Эти и другие, им подобные, вопросы – пред[с. 3]мет не пытливой суетности, но кровно и существенно входящие в состав основного вопроса о личности Брата Господня. И скажу более – эти вопросы, быть может, даже важнее и значительнее, нежели вопрос об идейном содержании «Послания».

Содержание душевной жизни меняется – приходит, уходит и снова приходит, как волны беспокойного моря; всеивается в душу, усваивается, претворяется в душевное тело и изживается, как вещество наших членов; растет, увядает и снова дает ростки. Но форма душевной жизни, внутренний ритм души, семянное слово души есть вечное и неизменное, нетленное и неувядаемое достояние личности. Познать личность – это значит прежде всего познать не то, что она мыслит, чувствует и волит, а как она мыслит, чувствует и волит. Разве Савл, после величайшего душевного переворота, после катастрофы всего душевного содержания, ставши Павлом, не остался самим собою в своем «как?»? И, чем глубиннее излагаемое в речи, чем непосредственнее изливается душа, тем ярче, тем характернее выражено ее «как?». Музыка, непостижимым образом разрывающая покров феноменальности, обнажающая пред нами «душу вещей», – музыка, в которой и для которой «говорят вещи» свои глубочайшие тайны, – в своем чистом и бессодержательном «как?» есть лирика по преимуществу, ибо вживь и въявь дает она вечную чистую схему душевной жизни, – вне переменного, случайного и внешнего ее содержания. Роды музыкальных творений, или так назы[с. 4]ваемые «музыкальные формы», суть первообразы и схемы для душевных движений, – законы динамики³ души. Вот почему чем менее душевная жизнь стеснена идейным содержанием, убеждениями, извне внесенными в нее, чем свободнее раскрываются душевные движения, тем точнее соответствуют они своим внутренним строем той или иной музыкальной форме: в этом случае законы диалектического развития идеи уступают место законам музыкального, тематического развития чувствований. Тут, в этом соответствии, нельзя видеть лишь более или менее удачной аналогии. Нет. Это – существенная связь, обусловленная самою природою музыкальной формы, как всецело отдающейся потоку чистой, беспредметной и безвольной лирики.

III

Ритмичность – в расчлененности общей массы данного впечатления на частные группы, в свою очередь расчленяющиеся на подгруппы и т. д., покуда это последовательное дробление не дойдет до впечатлений простых, уже далее не делимых. Форма произведения и есть тот или иной вид внешней и внутренней ритмичности его*. Понять «как» произведение⁴ приводится к тому, чтобы понять его внутренний и, быть может, внешний ритм.

³ Слово «динамики» позднее подчеркнуто автором и над ним написано слово «кинетики».

* Нечто подобное говорит и проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовский в своих литогр. лекциях по «Введению в сравнительное языковедение», 1892 г. – *Прим. П. Ф.*

⁴ По-видимому, здесь описка: правильно – понять «как» произведения. (*род. надеж*).

Послание Иакова, несмотря на свой ничтожный объем, чрезвычайно богато этой ритмичностью, – насыщенно и пронизано насквозь, – не внешне-звуковой [с. 5] ритмичностью, насильственно охватывающей содержание, а внутреннею, имманентно-присущую произведению, органически им выявляемую ритмичностью переживания.

При первом же непосредственном впечатлении, из общей массы Послания выступают очерки четырех его частей. Эти четыре части, которые мы будем обозначать, как **α**, **β**, **γ** и **δ**, в хороших изданиях отособляются друг от друга красными строчками. Но, спрашивается, на чём основано это расчленение?

Руководящим началом этого четырехчастного деления не может служить идейная сторона каждой из частей, ибо идеи расположены гнездообразно и нет определенных вех для проведения границы между частями; с идейной стороны всё Послание распадается на отдельные, замкнутые в себя идейные кусочки⁵, и нет данных скомбинировать их в те или иные отделы. Принцип деления тут музыкальный: темп душевного движения в частях, тональность звучащих там эмоций, образ и способ, по которым сменяются друг другом идеи и эмоции – вот что явно различает одну часть Послания от другой. Но, при всем том, части эти растут, как члены одного органического, сочлененного целого, и потому в формальном отношении построены подобно друг другу.

Начало каждой части акцентировано обращением к читателям, которых Автор почти видит пред собою; при этом части первая, вторая и четвертая (**α**, **β**, **δ**) обращены [с. 6] к «братьям» (1₂, 2₁, 5₇), а третья (**γ**) – к купцам и богачам (4₁₃)⁶. И вот, когда читатель уже обратил внимание на то, что началась новая⁷ часть Послания, Автор пользуется этим моментом и сразу же, куда внимание свежее, вступает in medias res⁸ – высказывает тему подлежащей части (кроме 3-ей, которая построена несколько иначе), т. е. дает как бы надписание, заголовок ее и затем, развивая и расчленяя ее, заканчивает повторением темы, но уже в новой тональности, с обогащенным содержанием и с усиленно значительностью. «По мере того, как он рассматривает известный предмет, слова его как бы накаляются по мере разгорячения самого писателя»*, и для конца он приберегает самое значительное из данного цикла переживаний. «Доказательство» высказанной сентенции заключается в анализе ее и в конечном синтезе, возвращающем сознание к исходному пункту.

Таково приблизительно строение каждой из частей. Подобно сему и строения всего Послания, потому что и в нем 1₁, или, лучше сказать, слово χαίρειν, является темою не только первой части, но и всего Послания, которое развивает эту тему, приводя ее, тематически обработав, к углубленному выражению того же чувства.

⁵ Слово «кусочки» позднее подчеркнуто автором.

⁶ Позднейшее примечание автора: «т. е. тоже членам иерусалимской церкви».

⁷ Слово «новая» позднее подчеркнуто автором.

⁸ Букв. (лат.) – «в середину вещей»; выражение из послания Горация «О поэтическом искусстве», в котором он советует эпическому поэту начинать с самой сути дела, не отвлекаясь на предысторию событий.

* «Первые дни христианства» Ф. В. Фаррара, пер. А. П. Лопухина. СПб. 1888. Ч. I. С. 360. – Прим. П. Ф. (Фредерик Вильям Фаррар (1831–1903) – англиканский духовный писатель, доктор богословия, проповедник, автор ряда переведенных на рус. яз. книг, в том числе «Жизнь Иисуса Христа», «Жизнь и труды Святого апостола Павла», «Жизнь и труды Свв. Отцов и Учителей Церкви» и др.).

Конец Послания (5_{13-20}) есть рондообразное возвращение к началу [с. 7] 1_{2-12} , но в новой тональности. Круг смыкается после того, как эмоции прозвучали со всею мощью и со всею значительностью.

Но таково же и строение отделов, на которые распадается каждая часть. И чем мельче деление, тем проще и потому явнее и ощутимее этот ритм священной речи.

Рассмотрим теперь каждую из частей особо.

IV

а (1_1-1_{27}). Тема этой части дается приветствием «радоваться», χαίρειν (1_1), вводимым из приветствия в самое тело Послания посредством фигуры дуадиплозиса⁹ – чрез повторение слова. Тема раскрывается чрез объяснение смысла и конкретных жизненных условий радости, вследствие чего тон речи, хотя и одухотворенный, – ровный, спокойный и исполненный сдержанной важной благожелательности к слушателям. Движение быстрое, даже беглое, соответствующее объяснительному тону и может быть приблизительно охарактеризовано, как allegro con spirito¹⁰. – Эта часть **а** естественно расчленяется на три другие, которые обозначим чрез **а**, **б**, **в**.

Часть **а** (или I) (1_1) – приветствие – образует вступление в **а** и вместе в целое Послание. Собственно Послание начинается с части **б** (1_{2-18}), говорящей об искушениях, как о среде, в которой возникает радость.

И эта часть **б** распадается на два, каждое циклически замыкающееся в себя, колена. Первое из них (II: 1_{2-12}) [с. 8] развивает тему радости, являющейся чрез победу над искушениями, и уясняет психологические условия этой победы, – внутреннюю непоколебимость. Конец колена (1_{12}), по обычаю, есть возвращение к началу (1_2) и говорит о блаженстве победившего. Второе же (III: $1_{13}-1_{18}$) развивает мысль о непреложности Божиих решений и, проходя по пути, как и II, чрез оттеняющую мысль о развитии греха в человеке, кончает (1_{18}) тем же, с чего начало (1_{13}).

Отсюда следует третья часть, **в** (1_{19-27}), в которой выясняется отношение к слову истины.

Начинаясь с делового, ровного тона, часть **а** постепенно углубляется. Несмотря на объективность изложения, в общих сентенциях слышится то ласка, то порицание. Но в части **в** и то и другое приобретает уже полную явность.

в (2_1-4_{12}). Священный Автор усовещивает и увещевает. Тон, сперва кроткий и почти спокойный, к концу делается явно резким. В качестве противоусловий радости раскрываются отступления от «закона свободы», при которых не может быть радости. Другими словами, тут обсуждается несоответствие делу веры. Часть **в** в свою очередь распадается на три меньших части: **з** (2_{1-26}), **д** (3_{1-18}) и **е** (4_{1-12}), соответственно говорящих против лицепрятия, учительства и внутренних распрей. При этом **з** слагается из колена V (2_{1-13}), дающего отрицательную картину цер[с. 9]ковной жизни, и VI (2_{14-26}), раскрывающего положительную

⁹ Дуадиплозис – стилистическая фигура, позволяющая объединять разделы текста и заключающаяся в повторе слова (или идеи), употребленного в конце одного раздела (фразы, стиха) и обращенного в главную тему следующего; напр., в Послании Иакова: «без всякого недостатка» (1, 4) и «если же у кого из вас недостает мудрости» (1, 5).

¹⁰ Allegro con spirito (*итал.*) – живо, с воодушевлением.

общую мысль о необходимости деятельной веры. По тому же плану построена и часть δ , в члене VII (3_{1-12}) говорящая о вреде несдержки языка, а в члене VIII (3_{13-18}) положительно раскрывающая, как проявляется мудрость. – Замечу, что и в части β колена VI (2_{14-26}) построено явно циклически, по форме рондо: 2_{26} повторяет тему 2_{14} .

Часть γ (4_{13-5_6}) начинается неожиданным forte¹¹. Тема этой части – обличение, сперва резкое и суровое, затем пророчески-гневное и исполненное силы ветхозаветного пафоса. Как тяжелые камни падают обвинения на головы судимых. И, двигаясь crescendo¹² рядом неотразимых тяжких ударов с величавою царскою медлительностью, гневная речь все более и более мощная, переходящая в рык льва, обрывается на обвинении тягчайшем (5_6) и бесповоротном. Гневное forte fortissimo¹³ внезапно переходит в следующей, заключительной части δ к тону теплой речи, к forte-piano¹⁴. Вся эта часть γ написана в движении, которое можно было бы обозначить как *andante grave con molt' espressione*¹⁵. Она распадается на две, из которых первая, X ($4_{13-4_{17}}$), говорит в тоне менее суровом, обличая надеющихся на свои силы, а вторая, XI (5_{1-6}), выражает прещения богачам-прирестителям.

δ (5_{7-20}). Тут, как сказано, тон резко меняется. Это производит такое впечатление, как если [с. 10] бы говорящий подавил в себе священный гнев и, обличив богачей, в порыве высшего негодования сразу отвернулся бы от них и стал говорить в другую сторону, к другим, которых он называет братьями. Тут темою, как и в части α , является чувство радости и покорного принятия искушений, но теперь уже указываются таинственные средства залечить раны души. Бесконечно-ласковым, отечески-нежным, хотя и задержанным в своей нежности, тоном он утешает, ободряет и обнадеживает нуждающихся в помощи смиренных и угнетенных братьев. Вновь вступает исходная тема о радости (часть α). Но теперь, когда пронеслась гроза очистительного гнева, духовная атмосфера свежа и легка. Теперь ясно, что надо (часть β) и что не надо (часть γ) делать для снискания радости. Теперь дышится легко и свободно. Движение совершается в темпе довольно быстро – в темпе, проникнутом душевною теплотою, так что приблизительно можно охарактеризовать его как *allegretto con fuoco*. Развитие темы распадается на два отрывка – на XII (5_{7-12}), где раскрывается необходимость долготерпения, и на XIII (5_{13-20}), где указываются средства благодатной помощи. И в заключение (5_{20}) открывается Автором источник высшей радости – отвращение грешника от ложного пути его.

Таким образом, все Послание написано в форме [с. 11] сонаты или симфонии (ибо симфония – почти та же соната, но в большем размере и в большей сложности и потому предназначенная для оркестра). Подробно доказывать эту мысль было бы здесь неуместно. Скажу только, что музыкальная обработка поразительна и простирается не только на целое, но и на малые части Послания.

¹¹ Forte (*итал.*) – громко (обозначение силы звука).

¹² Crescendo (*итал.*) – исполнение с постепенным увеличением силы звука.

¹³ Forte fortissimo (*итал.*) – очень громко.

¹⁴ Forte-piano (*итал.*) – фортепианное исполнение.

¹⁵ Andante grave con molt' espressione (*итал.*) – не спеша, важно, с большой выразительностью.

Для большей ясности приведу схему, по которой расчленяется Послание. Вот она:

α	{	а	I	(1 ₁)
		б	II	(1 ₂₋₁₂)
		в	III	(1 ₁₃₋₁₈)
β	{	г	V	(2 ₁₋₁₃)
		д	VI	(2 ₁₄₋₂₆)
		е	VII	(3 ₁₋₁₂)
			VIII	(3 ₁₃₋₁₈)
γ	ж	{	X	(4 ₁₃₋₁₇)
			XI	(5 ₁₋₆)
δ	з	{	XII	(5 ₇₋₁₂)
			XIII	(5 ₁₃₋₂₀)

V

Не только общая обработка Послания, но и целый ряд частных особенностей имеют в виду эффект несомненно-музыкальный. Сюда относятся прежде всего сочленения частей и колен посредством фигур дуадиплозиса (или [с. 12] повторения только что высказанной идеи, а иногда – и слова. Таким повторяемым звеном служит: в 1₁ и 1₂ – радость, в 1₂ и 1₃ – испытание, в 1₃ и 1₄ – терпение, в 1₄ и 1₅ – недостаток мудрости и т. п. (ср. напр. 1₁₃ и 1₁₄, 1₁₄ и 1₁₅, 1₁₉ и 1₂₀ и пр.).

Сюда же относится внезапное вторжение новой темы (см. 4₁, 4₁₃, 5₁ и др.) или раздробленное изложение ряда идей, т. е. фигура асиндетон¹⁶, как без-союзное примкнутие, порою дающее эффект, равносильный *staccatto*¹⁷. Этим асиндетизмом придается особая сила мысли, ибо самостоятельность каждого понятия, его изолированность подчеркивает его в сознании. Таковы, например, места 2₁₃, 4₁₋₆. Асиндетично также все место 5₁₋₆.

Сюда же относится и усиленное связывание частей посредством нескольких союзов – фигура полисиндетон¹⁸, являющаяся чем-то вроде усиленного *legato*¹⁹. Таково, например, место 4₁₃. Замечателен эффект от противоположения а- и полисиндетона в части γ : полисиндетон непосредственно соприкасается с асиндетоном, чем контраст связности и бессвязности делается еще живее.

Сюда же относится и упоминавшиеся уже рондообразные возвращения темы, как например 1₂₋₁₂, 2₁₄₋₂₆, отчасти 1₁₉₋₂₆, 4₁₋₁₂. Сюда же относится и самый метод изложения: сперва дать основную мысль в виде тезиса – то утвердительно

¹⁶ Асиндетон (*греч.* несвязный) – стилистическая фигура, при которой слова предложения следуют друг за другом без союза; чаще всего это бывает при перечислениях (Ньютон, Фарадей, Эйнштейн были великие физики); эта же фигура встречается при быстрой, пылкой речи (напр., в изречении Цезаря: «Veni, vidi, vici» – пришел, увидел, победил).

¹⁷ *Staccatto* (*итал.*) – отрывисто.

¹⁸ Полисиндетон (*греч.* многосоюзие) – стилистическая фигура, построение предложения, когда все (или почти все) однородные члены связаны между собой одним и тем же союзом.

¹⁹ *Legato* (*итал.*) – связанно; исполнение, при котором один звук переходит к другому без перерыва в звучании.

(1₂, 1₁₉, 2₃, 3₁), то в виде риторического вопроса (2₁₄, 4₁), а затем подвергать [с. 13] ее тематическому развитию.

VI

Если построение Послания ритмично, то язык его в высокой степени художествен, так что кажется даже удивительным, какое богатство поэтических и риторических красот сгущено на протяжении небольших пяти глав.

Речь Послания выразительна, красочна и разнообразна в своих оттенках. То она милостива, то нежна и ласкова, то сурова, обличающа и карательна. Автор то претит, то утешает, то рассуждает, и не без тончайшей победоносной иронии, или разит неотразимым ударом рассуждения, то, наконец, тоном провидца изрекает зримое им в духовном мире (1₆₋₁₂).

Ради живости речи и из скромности, чтобы не говорить про свои личные дела, он говорит от имени защитника его взглядов (2₁₈). Противник Иакова хвалился верою (2₁₄); на это были уже приведены свои возражения. А кто-нибудь, говорит Брат Господень, может еще спросить его, этого сторонника одной только веры: «Покажи мне веру твою помимо дел твоих; а я тебе покажу веру мою из дел моих» (2₁₈), т. е.: «Ты хвалишься верою. Ну, покажи мне ее? в чем ты мог бы показать ее, иначе как в делах? Чем ты убедишь меня в существовании этой притязаемой веры? Что же до меня, сторонника веры деятельной, [с. 14] то и я не лишен веры, но, вопреки тебе, могу доказать ее из дел моих». Чрез это драматическое введение речи стороннего лица интерес читателя сразу подымается. И тогда Иаков, пользуясь наступившим вниманием, добивает противника убийственным сарказмом, преграждающим уста. «Но что же? Пусть ты и в самом деле имеешь веру, уступим тебе. Да, ты хорошо делаешь; и бесы веруют и – трепещут». Бесповоротность сарказма – в том, что он констатирует факты и только голые факты: веровать хорошо (это – первый факт); бесы веруют и трепещут (вот еще два новых факта). Автор отстраняется от обсуждения фактов, он не хочет взвешивать их, предоставляя это суждение о фактах самому противнику. На вывод, и притом вывод неизбежный, только намекает великолепное «και», приглашающее рассматривать факты не врозь, а вместе, – сопоставить их. Это *και* означает: «Я не хотел обижать тебя, противник дел. Но ты сам, собственным своим признанием навлекаешь на себя обидное сравнение. Да, ты со своею верою хорош; но ведь этого недостаточно, ведь настолько хороши и бесы; и они ведь веруют. Однако, несмотря на веру, им приходится лишь трепетать. Утверждая, что у тебя только вера, ты сам сопоставляешь себя с бесами, сам заявляешь, что тебе должно быть в ужасе от сознания ее недостаточности».

В другом месте (5₆) эффект достигается фи[с. 15]гурою умолчания, паузою. Проповедник громоздит обвинения против богатых. «Вы осудили, убили праведника», как глыбою могильной земли погребает он уже убитых его обвинениями. И затем глухо, пониженным голосом, почти спокойно с виду, он добавляет самое страшное обвинение: «Он не противился вам». Тут слушатели ждут вывода из всего сказанного, – ждут угроз и анафем. Но Иаков не делает этого вывода, а просто, кротко и ласково обращается к угнетенным: «Итак, братья, будьте долготерпеливы» (5₇). Это «итак», конечно, не к непосредственно предыдущему, а к тому, что говорилось «братьям» в начале Послания. Создавая великий контраст с предыдущим, это «итак» заканчивает гневное обличение и является более

страшным, нежели любое проклятие. Оно говорит: «Делá богатых – налицо; они говорят сами за себя. Вывод напрашивается сам собою. Но нет уже слов, нет сил выразить все негодование, которого заслуживают богатые. Отныне я вовсе не имею с ними дела. Я забыл и о них, и все, что только что сказал. Я отвернулся от них, я обращаюсь к вам, угнетенные, возлюбленные братья, я помню лишь о вас. Богатые уже изглажены из Царствия, они не стóят даже разговора с нами. Они для меня – как несуществующие».

Подобную же антитезу находим и в стихах 3_{17, 18}–4₁. Апостол говорит о признаках мудрости свыше: «Истинное семя сеется в мире миротворцами». И вот, этому «миру» – без всякого союза против[с. 16]поставляются драки и свары, царящие среди слушателей. И, в сильном возбуждении от контраста столь неожиданного, пишущий как бы теряется, причем такое его состояние подчеркивается недоуменным вопросом, усиленным посредством двойного «откуда?»²⁰. «Откуда брани? Откуда свары среди вас» (4₁), – этот вопрос своим контрастом дает ответ на себя: – «от недостатка мудрости».

К числу тех же риторических усиленных и оживлений мысли относятся параллелизмы и антитезы в пределах одного предложения. Так, на предыдущие вопросы отвечает Брат Господень:

ἐπιθυμεῖτε, καὶ οὐκ ἔχετε, φονεύετε καὶ οὐ δύνασθε ἐπιτυχεῖν, μάχεσθε καὶ πολεμεῖτε (4₂),

т. е. «если вы желаете и не имеете, то убиваете, и если сильно к чему-либо стремитесь и не можете достигнуть, то сражаетесь и воюете». Тут – явный параллелизм; подобные же параллелизмы рассеяны во многих других местах; так:

4₈: «приблизьтесь к Богу, и Он приблизится к вам».

4₈: «очистите руки, грешники, исправьте сердца, двоедушные».

4₉: «смех да обратится в плач и радость – в печаль».

4₁₀: «смиритесь – и вознесет» (ταπεινώθητε καὶ ὑψώσει).

5₂: «богатство согнило и одежды изъедены молью» и т. п. и т. п.

[с. 17] Или вот несколько примеров антитез:

3₉: «Им (языком) благословляем Бога и Отца – и им проклинаяем человеков, сотворенных по подобию Божию».

3_{10, 11} и далее: благословение и проклятие, сладкая вода и горькая и т. д.

4₇: «покоритесь Богу; противостаньте диаволу» и др.

Наконец, к приемам оживления речи надо отнести и частые обращения, иногда сопровождаемые частицами:

ἴδε ( )²¹, ἰδοῦ²² (5₄, 3₄, 3₅), ἄγε νῦν²³ (4₁₃, 5₁).

VII

Художественность Послания сказывается в необычайной конкретности изложения. Постоянные примеры и бытовые сценки, иллюстрирующие общую мысль, многочисленные образы и сравнения, исторические примеры, удачно

²⁰ В русской и славянской Библиях слово «откуда» употреблено один раз; двойное «откуда» – в греческом оригинале.

²¹ Места Послания, в которых встречается эта частица, автором не указаны, в греческом тексте она, действительно, отсутствует.

²² Рус. пер.: «вот (слушайте, смотрите)».

²³ Рус. пер.: «ныне послушайте (приидите)».

подобранные цитаты, наконец даже отдельные словечки, исполненные энергии и художественной силы, – все это, вместе взятое, заставляет невольно согласиться с одним из экзегетов, сказавшим, что в Послании – все идеально.

Автор, например, говорит о лицеприятии; но голый факт разворачивается у него в тонко-подмеченную картинку церковной жизни: на молитвенное собрание, в синагогу, входит какой-нибудь захожий христианин. И вот, видя мужа с золотым перстнем на руке и в блестящей одежде (что указывает на богатство его и, может быть, на некоторую знатность) лицеприятные местные христиане благосклонно смотрят на него и угодливо указывают [с. 18] вошедшему удобное место: «Тебе удобнее сесть здесь». При входе же христианина бедного, в грязной одежде, они даже не удостоивают его взглядом, а только небрежно говорят: «Ты стань там», или: «Садись у подножия ног моих» (2₂₋₃).

Или вот другая сценка, ниже, очевидно, схваченная с натуры. Тут показывается в наглядном примере внутренняя фальшь веры без дел. Брат и сестра наги, а какой-нибудь верующий скажет им: «Идите с миром, грейтесь», и не даст им необходимой пищи и одежды (2₁₅₋₁₆).

Или, вот еще метко схваченное изображение торговцев, самоуверенно считающих на земное, как будто в их власти и время, и жизнь, и достижение намеченных целей. «Ну-ка, – обращается к ним Иаков, – послушайте, вы, говорящие: “Сегодня или завтра отправимся в такой-то город и проживем там один год, и будем торговать и получать прибыль”, – вы, которые не знаете, что случится завтра... Вместо того, чтобы вам говорить: “Если угодно будет Господу и живы будем, то сделаем то и другое”, вы, по своей надменности, тщеславитесь» (4_{13, 14, 15}).

В другом месте рисуется надвигающаяся судьба богачей, и множество отдельных подробностей характеризует быт их: богатство ваше (т. е. запасы зернового хлеба) сгнило, – говорит им Иаков, – и одежды ваши (другой вид ценного имущества) изъедены молью. Золото ваше и серебро изоржавело... [с. 19] вот плата, удержанная вами у работников, вопиет от вас, и вопли жнецов дошли до слуха Господа Саваофа. Вы веселились на земле и роскошествовали; откармливали сердца свои в²⁴ день заклания; вы осудили, убили праведника» (5₂₋₆).

Везде в этих примерах немногими словами захвачено все существенное. Но нужен был бы тщательный анализ, чтобы выявить тонкость и содержательность этих примеров.

Весьма часто Автор прибегает к образам и к метафорам, заимствуя их из всех областей природы и жизни, но всегда художественно и с изысканным благородством.

Чтобы охарактеризовать неустойчивость человека сомневающегося, он вспоминает море и говорит, что такой подобен «волне морской, ветром вздымаемой и развеваемой» (1₆). По другому случаю ему припоминается морское дело. Отношение языка к телу сравнивается у него с отношением руля к кораблю. «Корабли, как ни велики они и как ни сильными ветрами носятся, небольшим рулем направляются, куда хочет кормчий; так и язык – небольшой член, но много делает» (3_{4, 5}).

Непрочность жизни богача, внешне-прекрасного своим богатством, выражается под образом полевого цветка, увядающего под палящим дыханием самума,

²⁴ Вероятно, здесь описка: правильно – на день заклания (см. Иак. 5, 5).

который является вместе с восходом солнца. Богатый «прейдет, как цвет травы: возшло ведь солнце с самумом и [с. 20] иссушило траву, и цвет ее опал, и красота вида ее погибла; так и богатый в делах своих увянет» (1₁₀₋₁₁).

Разрушительная сила от неудержания языка сравнивается с силою огня, охватывающего кучу горячего и воспламеняющегося материала, или даже лес. Как от маленькой искры огня происходит целый лесной пожар, так от маленького члена тела – от языка – происходит пожар всей жизни человека. «Вот какой небольшой огонь какой большой лес возжигает: и язык-огонь – мир неправды (т. е. огнем языка является целый мир неправды)... Именно так выступает он среди членов наших, так как оскверняет все тело, воспламеняя колесо жизни и, с своей стороны, воспламеняясь от геенны» (3_{5,6}).

Указывая самонадеянным купцам на непрочность всех их затей, Иаков сравнивает их жизнь с дымом, быстро рассеиваемым от ветра или легко тающим облачком от дождя. «Какова жизнь ваша! – восклицает он. – Ведь вы – дыхание (или дым, туман), на короткое время являющееся, затем же исчезающее» (4₁₄).

Желая сказать, что Бог не искушает никого и Сам не искушается, т. е. что в Нем нет зла нисколько, Иаков прибегает к астрономическим образам и называет Бога великолепным именем «Отца светил». Светила небесные подвергаются переменам, являются и исчезают вследствие обращения своего, помрачаются, например, во время затме[с. 21]ний; но Бог, как стоящий выше явлений небесных, как Отец светил, безусловно чужд всего этого: «У Отца светил... нет перемен и затмений от обращения» (1₁₇), всегда Он одинаково ясен и чист.

Нужно ли Автору выразить опасные свойства языка – он называет его «непостоянным» (ακατάστατον), изменчивым, извивчивым, подобно змее, сравнивая движения его с движениями змеи, и затем продолжает свое сравнение, называя язык «исполненным смертоносного яда» (3₈): в языке, как и в деснах змеи, сокрыт яд, убивающий злословимого.

Часто обращается Автор к миру растительному и к занятиям земледельца. Так, деятельность учителя сравнивается с мирным сеянием пахарей. Как ложная, бесовская мудрость сеется во вражде и враждебно настроенными, гневливыми учителями, так небесная мудрость сеется в мире и миротворцами; «а истинное семя сеется в мире миротворцами» (3₁₈).

Снова вспоминается земледelec и тогда, когда Иаков хочет выяснить необходимость терпения, – необходимость терпеть, прежде нежели получит ожидаемое и желаемое. «Вот земледelec ждет драгоценного плода от земли и для него терпит долго, пока получит его (плод) ранний и поздний» (5₇).

[с. 22] И опять выступает образ из области земледелия. «Мудрость, сходящая свыше, – говорит Иаков, – полна милосердия и добрых плодов» (3₁₇); она – как бы сад, полный деревьев с плодами. Точно так же духовное восприятие евангельского слова уподобляется восприятию землею насаждаемого в ней растения (1₂₁).

Чтобы показать, каким образом обуздание языка дает человеку власть над всеми греховными удами тела, св. Иаков пользуется образом взнузданной лошади, столь часто употребляемой в путешествиях по Востоку: «вот, мы влагаем удила в рот лошадям, чтобы они повиновались нам, и целым телом управляем» (3₃).

Делается упоминание о заблудших путниках и о сомневающихся в принятом пути. «Человек с двоящимися мыслями нетверд во всех путях своих» (1₈). «Братия, если кто из вас уклонится от истины, и обратит его кто, пусть тот знает, что

В другом месте вера сравнивается с телом, а дела – с духом: «как тело без духа (т. е. без жизненного начала, без жизненной мощи) мертво, так и вера без дел мертва» (2₂₆).

Редко образы берутся даже из сферы брач[с. 25]ной²⁷ жизни. Верующие находятся, по Посланию, в сыновнем отношении к Богу. «Бог родил нас словом истины, чтобы быть (нам) первенцем (или: начатком) его творений» (1₁₈).

В другой раз эти отношения изображаются, как отношения супругов, и потому любовь к миру (вместо Бога или наряду с Богом) со стороны верующих обозначается именем измены, прелюбодеяния (4₄).

В духе той же метафоры и любовь Божия охарактеризована признаком ревности: «Или вы думаете, что напрасно говорит Писание: “До ревности любит дух, живущий в нас”? Но тем бóльшую дает благодать» (4_{5,6}).

Подобно тому и увлечение души грехом рисуется под великолепным образом плотского падения. Источник искушения ко злу – собственное греховное стремление человека, хотя и вытекающее из первородного греха, но развившееся и окрепшее под влиянием свободной воли человека; она, эта похоть (*ἐπιθυμία*) влечет (*ἐξέλκει*) и прельщает (*δεδεάζει*) человека, причем оба глагола взяты из области *artis amandi*²⁸: похоть уподобляется здесь блуднице, возбуждающей страсть. Когда падение свершилось, похоть и воля соединились, то тогда зачинается грех. Он формируется, рождается на свет и, достигши полного развития, в свою очередь рождает смерть: «Каждый искушается, [с. 26] увлекаясь и обольщаясь собственной своею похотью; похоть же, зачавши, рождает грех, а достигший полного развития грех рождает смерть» (1_{14,15}).

Таковы главнейшие образы, встречаемые в Послании. Но ими далеко не исчерпываются художественные приемы, оживляющие изложение. Так, например, иногда св. Иаков прибегает к персонификации. Наменяя на Быт 4₁₀: «глас крови брата твоего (Авеля) вопиет ко Мне от земли», Иаков говорит богачам: «Вот плата, удержанная у работников, пожавших поля ваши, вопиет от вас, вопли жнецов дошли до слуха Господа Саваофа» (5₄). Удержание платы поденщиков, да еще, вдобавок, поденщиков-жнецов, трудящихся в условиях тягчайших, под жгучим солнцем, равносильно убийству; эта плата, по образному выражению Иакова, забрызгана кровью братьев, и вопли их не только возносятся, но уже достигли ушей Господа Саваофа²⁹, т. е. Бога небесных сил, небесных воинств, Которому подвластна вся вселенная и Которому наказать богачей ничего не стоит.

Язык Послания настолько богат, что включает в себя, помимо собственно-библейской лексики, еще и множество слов классических или еще слова, представляющие неологизмы. И даже отдельные слова рисуют целые картины. Так, о бесах сказано, что они трепещут, *φρίσσοσιν*, а *φρίσσειν* означает [с. 27] такой сильный страх, когда и волосы на голове поднимаются (Иов 4₁₅). – Про Авраама сказано, что он вознес, *ἀνεύευκας* Исаака над жертвенником, и этим одним словом делается выразительное напоминание на обряд символического жертвоприношения чрез поднятие над жертвенником, или так называемой терумы³⁰. – Раав

²⁷ «семейной» – позднейшая правка П. Флоренского.

²⁸ *Arts amandi* (лат.) – искусство любви.

²⁹ На полях против этого места автор позднее поставил восклицательный знак.

³⁰ Терума (*евр.*; буквально – «поднятое») – дар возношения (плодов и др.), священное приношение, названное так по обряду возвышения, совершавшемуся над ним.

ὑποδεξαμένη соглядатаев [и] ἐκβαλοῦσα их другим путем; ὑποδέχεσθαι значит радушно принимать, а ἐκβάλλειν – выбрасывать. Ἐκβαλοῦσα означает быстрое и чуть не насильственное удаление соглядатаев с целью спасти их. – О языке сказано, что он *μεγαλαυχεῖ* (3₅), что буквально значит: *μεγάλα αὐχεῖ*. Αὐχέω – подымаю шею, а *μεγαλαυχεῖ* – хвалиться великими делами, хвастаться великим. – О сердцах сказано: *στηρίξατε* (5₈), подкрепите пищу. – И т. п.

Свои мысли Автор неоднократно подкрепляет доказательствами. То он ссылается на Св. Писание, или фактически пользуется им, при том с такою умелостью, что Послание кажется выточенным из цельного камня, хотя цитат в нем более, нежели во всех Посланиях вместе взятых. То он прибегает к историческим доказательствам, ссылается на знаменитых лиц, и тут одним-двумя словами обрисовывает их характерную черту, которая сделала из личности тип. Так, он вспоминает «истинных» пророков, [с. 28] Авраама, «отца нашего» и «друга Божия» (2_{21,23}), Раав «блудницу», выпустившую соглядатаев «другою дорогою» (2₂₅), Илию (5₁₇), Иова долготерпеливого (5_{10,11}), делает намек на Авеля.

Он не пренебрегает и доказательствами космологического характера. Так, чтобы доказать демоническую, сверхъестественную силу языка, способного совместить в себе такие противоположности, как благословение и проклятие, Иаков доказывает, что для всего естественного совмещение противоположностей немислимо. Он указывает на минеральные ключи; «место (вместилище, источник), где соленая вода, может ли производить сладкую?» (3₁₁). Он ссылается далее на плодприношение фруктовых деревьев. «Не может, братья мои, смоковница приносить маслины или виноградная лоза смоквы: также и один источник не может изливать соленую и сладкую воду» (3₁₂).

Другое доказательство демонической природы языка – в том, что он неукротим, тогда как все естественное укротимо, причем Иаков перечисляет все роды живых существ, согласно библейской классификации: «всякое естество зверей (всех четвероногих животных) и птиц (всего летающего и пернатого царства), пресмыкающихся и морских животных (всех обитателей морских) укрощается и укрошено естеством челове[с. 29]ческим; а язык укротить никто из людей не может» (3_{7,8}), чем и подтверждается та мысль, что истинным очагом его энергии является не сила естественная, а огонь геенны (3₆).

VIII

При поверхностном чтении Послание Иакова может показаться адогматичным и преследующим одни только моральные цели. Ввиду этого морализма некоторые исследователи отказывались видеть в нем Послание и принимали за гомилию, за нравоучительное слово. Но такой взгляд безусловно ошибочен. Воззрения Иакова только кажутся морализирующими и адогматичными в духе ричлианцев³¹; на деле они всецело строятся на вере. Но только общее вероучение образует глубоко-залегающий подпочвенный слой, на котором растет элемент поучительный, – основу, в которую вплетены узорами нити галахического³² характера.

³¹ Ричлианцы – последователи Альбрехта Ричля (1822–1889), немецкого теолога, основателя школы либерального протестантского богословия, делавшего упор на «внутренний опыт» человека в ущерб соборному опыту Церкви, который призван осмысливать всякий опыт, в том числе и опыт веры.

³² Галаха́ – традиционное иудейское право, совокупность законов и установлений, регламентирующих в иудаизме религиозную, семейную и общественную жизнь человека.

«Мы, – говорит Фаррар, – всегда предполагаем существование дна в океане, хотя оно и невидимо для нас и хотя бы никто не говорил о нем»³³. Но, присматриваясь глубже, мы можем заметить и это само собою разумеющееся дно, эти существенные элементы вероучения, которое представляется вкратце так:

Бог един (2₁₉); Он милостив и сострадателен (5₁₁), у Него нет изменения (1₁₇) и Он не искушается злом (1₁₃). Он дает просто и без упреков (1₅), а любящим Его даст венец жизни (1₁₂). Он – единственный виновник заповедей (2₁₁), [с. 30] единственный Законодатель и Судия, могущий спасти и погубить (4₁₂). Все зависит от Него (4₁₅), всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходят от Него (1₁₇).

Кроме Бога существует еще и злая сила, боящаяся Бога (2₁₉) и бессильная пред тем, кто подчиняется Богу (4₇). – Люди сотворены по подобию Божию (3₉) и рождены от Бога, по Его свободному произволению, словом истины (1₁₈). Это рождение заключается в вере в Господа Иисуса Христа (2₁), Который явится (5_{7,8}) и уже стоит у дверей в качестве Судии (5₉).

Самого себя Автор называет рабом Господа Иисуса Христа (1₁).

Автор признает силу молитвы (5_{14,15}), мистическое значение покаяния (5₁₆) и акт помазания елеем (5_{14,15}), каковой имеет у него несомненный характер таинства. Отсюда можно заключить, что и вообще он признает сакраментальную сторону религии, тем более, что у него упоминаются представители церковной иерархии (как бы ни разуместь ее), ритуально совершающие елеосвящение (5₁₄).

На основе этого догматического учения развиваются нравственные и церковно-социальные выводы. Однако невозможно дать анализ³⁴ Послания, потому что это сводилось бы к подробному экзегетическому обозрению его шаг за шагом³⁵.

[с. 31] IX

Обратимся теперь к Автору Послания.

Прежде всего бросается в глаза то, что можно было бы назвать его культурностью³⁶. Это – человек с тонко развитым вкусом, хорошо знающий чувство меры и достигающий чрез соблюдение меры действия на душу наисильнейшего. Слушая его, не подумаешь: «Это – гиперболы, это – так». Напротив, непрерывно сознаешь, что он мог бы сказать сильнее, ярче, но природный такт и воспитанная сдержанность не позволяют ему без явной нужды повысить голос или подчеркивать свои слова. Его изысканная³⁷ речь исполнена важности и многосодержательной властности – не притязаний на власть, а именно той фактически

³³ Фаррар Ф. В. Первые дни христианства. ч. I. Гл. XXI. СПб., 1915 (изд. 3). С. 350.

³⁴ Подчеркнув эти слова, Муретов пишет на полях: «Почему же?»

³⁵ Под этим абзацем Муретов делает следующую запись: «Этот существенный и главный параграф совсем слаб или, вернее, ничтожен». Специально Посланию апостола Иакова в русской литературе посвящены следующие работы: *Кибальчич И., свящ.* Св. Иаков, Брат Господень. Опыт обозрения соборного послания Иакова, Брата Господня. Чернигов, 1882; *Теодорович Н.* Толкование на соборное послание св. Апостола Иакова. Вильна, 1897; *Георгий (Ярошевский), иером.* (впоследствии митрополит Варшавский). Соборное послание св. Апостола Иакова. Опыт исagogико-экзегетического исследования. Киев, 1901; из переводной литературы см.: *Робертс Д. У.* Комментарий к Соборному Посланию Иакова // *Робертс Д. У., Келси Р. К.* Письма к Церкви от Иакова, Петра и Иуды / Пер. Л. Голубев. Киров, 2001. С. 5–287 (размещено в Интернете: <http://www.knls.net/rus/offers/LetterJacob.pdf>).

³⁶ «Это свойство может быть и врожденным». – *Прим. М. Д. Муретова.*

³⁷ «тонкая» – позднейшая правка П. Флоренского.

осуществленной в слове силы, которой нельзя не повиноваться. Св. Иаков говорит, как с равным, но святительская мощь слова его ставит его выше равенства – требует за него и имеет право требовать. Пред лицом Иакова должны умолкнуть внутреннее противление, самовольство и спор. К нему не возбудится жара влюбленности, но весь проникаешься невольным благоговением и почтительностью. Замечательнее же всего то, что в речи нет со стороны Иакова ни малейшего выставления себя вперед; напротив, скромно и сдержанно назвав себя («Иаков, раб Бога и Господа Иисуса Христа» (1₁)), он не говорит далее о себе ничего, – весь уходит в объективное, в вопросы веры и церковной жизни. И все же ни на одно [с. 32] мгновение нельзя забыть о говорящем. «Я» для него не существует, и скромность его безукоризненна; он, не сознавая себя апостолом, – каковым, впрочем, он и не был³⁸ – не называет себя и епископом, главою Иерусалимской церкви-матери, каковым он был, и даже не упоминает о ходячем прозвании «Брата Господня», которое в его глазах было, бесспорно, выше всякого другого.

Характер Иакова исполнен благородства и душевной ясности. Нравственная серьезность и цельная, целомудренная «натура» Автора светится во всем Послании. Сила его не в мгновенной вспышке и не в ярком блеске, но в ровном неизменном горении. Свет его – не свет газа, а свет благоуханной свечи желтого воску, ровно и кротко теплящейся пред Господом. Непреклонность характера Иакова видна и из того обстоятельства, что Послание его – единственное послание без приветствия³⁹ и без послесловия. Он как будто всячески показывает, что он делает дело Божие и только Божие и потому не считает удобным подмешивать к нему человеческие отношения, подобно тому, как священнослужителю во время Литургии было бы неудобно говорить о постороннем, хотя бы и чистом по содержанию. «Вот дело Божие, говорящее само за себя. Хотите – берите, нет – как знаете. Ни пафосом, ни приветствиями я не стану вас тянуть в ту или в другую сторону. Вы сами должны понимать, что я го[с. 33]ворю не в свое имя». Таков смысл его сдержанности.

Высокий природный ум, богатая начитанность в Библии и умелое пользование цитатами, наконец обширный жизненный опыт и тонкий вкус довершают характеристику Иакова. Он пользуется изречениями Спасителя, каноническими и неканоническими книгами Ветхого Завета и, по-видимому, творениями светского характера или, быть может, религиозными памятниками других религий. Но при всем том его Послание, в руках менее умелых представившее бы пестрый конгломерат разнородных отрывков и претенциозную риторiku, из его рук выходит как бы выкованным из единого куска металла. Он «высекает огонь из всего, что только заимствует». Нет области, которой бы он не использовал так или иначе в своем Послании, – от культа до житейских мелочей. И в каждом образе, в каждом примере, им приводимом, при анализе легко вскрыть неповерхностные познания и глубокую вдумчивость. Но эта энциклопедия знаний, мимоходом помещенная в Послание, имеет вид столь скромный и непритязательный, что невнимательный читатель даже и не заметит ее.

³⁸ В том смысле, что Иаков не входил в число 12-ти (однако он возглавлял Собор 70-ти апостолов).

³⁹ Точнее, вместо обычных для новозаветных посланий слов «благодать вам» использован (единственный раз во всем корпусе посланий) глагол в неопределенной форме «радоваться», означающий в данном контексте неофициальное приветствие.

Автор Послания, кажется, без всякой нетерпимости пользуется материалом разнороднейшим. И, несмотря на то, он далее, нежели кто-нибудь, отстоит от возможности подозрений в гностике. В каждом слове его [с. 34] теплится бого-познание и непосредственное отношение к горнему миру; но в то же время ни одно слово не окрашено отвлеченной, рассудочной теософской спекуляцией. Точно так же и форма изложения более, нежели у кого-нибудь, удалена от диалектики; речь идет прямо из сердца, непосредственно чрез рассудочный анализ, хотя это не исключает тонкости в обработке и строгости в построении: законы, согласные которым течет речь, суть законы сердечной деятельности – законы музыкальные. Такая речь по существу своему не может вызывать себе отпора в сердце. Она прямо идет в душу. Это – речь не богослова и не философа, а пастыря и епископа. Действительно, Автор Послания есть епископ в собственном и строжайшем смысле слова. Он не пленяет души внезапным натиском, а возгревает сердца живущих с ним и твердою рукою ведет к хорошо ему известной цели. Он не живет предчувствиями и настроениями минуты, но вся его деятельность и жизнь подчинена основной тенденции. Иакова нельзя себе представить иначе, как с пастырским посохом, – непреклонного, мудрого, изящнейшего.

Врожденная *elegantezza*⁴⁰ характеризует весь его облик, начиная от ума и слова и кончая даже наружностью. *Episcopus elegantissimus*⁴¹ – такова может быть одна половина характеристики первого иерусалимского патриарха. А вторая ее поло[с. 35]вина может быть выражена чрез *Episcopus justissimus*⁴².

Чтобы нагляднее представить себе тип идеального епископа, каковой почти совершенно осуществлен Иаковым, необходимо сопоставить с ним тип идеального Апостола. Апостолом по преимуществу, Апостолом в чистейшем виде является Павел. Апостол Павел и Епископ Иаков, как α и ω церковной жизни, обрамляют собою лик «12-ти», и нет среди служителей Слова двух других, столь противоположных друг другу, как Павел и Иаков. Они противоположны и по характеру, и по роду жизни, и по складу мысли, и решительно во всем. Павел экспансивен, холерик с резкими переходами от подъема к угнетенности, весь в крайностях. Натура его болезненная, неуравновешенная, совмещающая в себе противоположности во всем, беспокойная, лихорадочная, надломленная, с необъяснимыми предчувствиями и позывами. Павел разряжается чувствами и мыслями. Писания его угловаты и причудливы в целом, неровны в частях. Из писателей к нему ближе всего подходит Ф. М. Достоевский. Павел – лирик, философ, диалектик. Он – мистик, созерцатель, апостол *κατ' ἑξοχήν*⁴³ и типичнейший представитель харизматической стороны Церкви. Напротив, Иаков – натура выдержанная, важная, величественная, пророческая; он – здоров, уравновешен, способен ко всей гамме чувств в их закономерном развитии, в их модуляциях, в их постепенном течении. Писание его кругло, закругленно в целом и в частях, циклично, проработано. [с. 36] Иаков – художник, эпик. Он –

⁴⁰ Слово *elegantezza* зачеркнуто карандашом и заменено словом «изящество», соответственно изменено и окончание предыдущего слова: «Врожденное» (позднейшая правка П. Флоренского); к этим словам Муретов делает примечание: «См. стр. 31», отсылая к своему предыдущему примечанию (см. прим. 27).

⁴¹ Епископ изящнейший (*лат.*).

⁴² Епископ справедливейший (*лат.*).

⁴³ По преимуществу (*греч.*).

деятель церковный, представляющий вторую сторону церковной жизни, – епископство; он – епископ κατ' ἐξοχήν, представитель иерархии. Он мудр, медлителен, тверд.

Если Павел – романтик, то Иаков – классик⁴⁴. Если Павел заражает вдохновением, то Иаков воспитывает мудростью. В то время как приверженность к иудейству заставляла Павла гнать Христа, – не меньшая приверженность Иакова не вызывала в нем решительных действий: он молчал и смотрел. Павла нужно было ломать для обращения, Иаков тихо перешел сам. В то время как Павел перешел от номизма⁴⁵ к хулению закона, Иаков, не оставляя дел закона, центр тяжести перенес в дела Христовы. В то время как Павел обошел весь мир ради проповедания Христа, Иаков, оставаясь в стенах Иерусалима, был главою глав церковных – председателем Иерусалимского Собора и авторитетом для каждого. Одним словом, в то время как Павел вызывал веру, Иаков устраивал общину. Таковы черты различия этих антиподов церковной жизни, сделавшие Павла и Иакова безусловно необходимыми друг для друга, как взаимные дополнения.

X

Чтобы сделать характеристику Иакова более полной, приведу несколько данных о его жизни и личности из других источников.

[с. 37] Кажется, не составляет сомнений, что Иаков был старшим из часто упоминаемых четырех «Братьев Господних»: Иаков, Иосий, Симон, Иуда. По крайней мере, он всегда ставится во главе их (Мф 13₅₅, Мр 6₃). О воспитании его можно судить по названию отца его Иосифа мужем «праведным» (Мф 1₁₉)⁴⁶, какой эпитет означает вовсе не одну только нравственную высоту, но прежде всего неукоснительное соблюдение всего левитского канона. Видно, что все семейство было проникнуто этим уважением к «праведности». Ежегодно отправлялся Иосиф в Иерусалим на праздник Пасхи, и его сопровождала Дева Мария (Лк 2₄₁), что вообще бывало заслугой сверхдолжною (по мнению Гиллела⁴⁷). Необходимо думать, что Иаков получил строго-номистическое воспитание. Егезипп⁴⁸ свидетельствует даже (Евс. Кес. Церк. Ист. П₂₃), что «Иаков был назореем от чрева матери своей», и с этим сообщением хорошо согласуется как прозвание «праведный» (Евс. Кес. Церк. Ист. П₂₃), ходившее среди иудеев и христиан в отношении к Иакову, так и то величайшее уважение, которым он пользовался среди соплеменников⁴⁹. Легенды, создавшиеся около Иакова в среде ригористических иудейских сект, лучше, чем что-нибудь, доказывают его «праведность» в деле закона. Нужно также принять

⁴⁴ Зачеркнув эту фразу, Муретов пишет на полях: «Нехорошо».

⁴⁵ Номизм (от греч. νόμος – закон) – законничество, тенденция к пониманию религии, при котором преимущественное значение получают законы и их точное исполнение.

⁴⁶ Подчеркнув эти слова, Муретов поставил на полях вопросительный знак, поскольку сам он придерживался восходящего к блаж. Иерониму мнения, согласно которому Св. Иаков (как и остальные Братья Господни) был двоюродным братом Спасителя; то же мнение разделяли такие русские богословы, как свт. Филарет Московский, архиеп. Филарет (Гумилевский), проф. А. П. Лебедев и др., а из святых отцов – Иоанн Златоуст и др.

⁴⁷ Гиллель (кон. I в. до н. э. – нач. I в. н. э.) – выдающийся законоучитель во время правления царя Ирода, известный своей добротой и благочестием.

⁴⁸ Егезипп (II в.) – раннехристианский писатель, собравший в своих не дошедших до нас «Записках» много сведений об апостолах.

⁴⁹ «Не вижу Иосифа Флавия» (замечание на полях Муретова); в книге «Иудейские древности» (20.9.1) этого древнееврейского историка действительно повествуется о смерти св. Иакова.

во внимание, что он именно присоветовал ап. Павлу исполнить обряд очищения и взять на себя обет назорейства (Деян 21₁₈₋₂₆).

Резюме соборных прений, авторитетно примирившее партию обрезания и партию свободы, нисколько не разру[с. 38]шает представления о Иакове, как о муже «праведном». Суть его речи сводилась вовсе не к свержению закона, данного иудеям, а к тому, что не надо затруднять язычников, обращающихся к Богу, игом сего закона (Деян 15₁₉), а достаточно с них и соблюдения новых заповедей (Деян 15₂₀)⁵⁰; впрочем и их он предлагает в виде совета: «Соблюдая сие хорошо сделаете» (15₂₉). Другими словами, Иаков не нарушал здесь законнической нормы; он рассматривал христиан из язычников как «пришельцев врат»⁵¹. Но сам он, видимо, строго соблюдал иудейский закон. Недаром же разрушение Иерусалима рассматривалось иудеями как наказание за смерть этого праведника (Евс. Кес. Церк. Ист. П₂₃). Недаром его именем соглядатайствовали за Павлом сторонники обрезания. Недаром ближайшие его приемники по кафедре, до разрушения Иерусалима включительно, были из партии обрезания.

Каковы были отношения Иакова к Господу Иисусу? Судя по словам Спасителя о том, что «нет пророка в доме своем», Ему не верили даже братья Его (Мф 13₅₇, Мр 6₄, Лк 4₂₄, Ин 4₄₄). Иоанн прямо говорит: «братья Его не веровали в Него» (Ин 7₃). Отсюда приходится заключить, что они не входили в число 12-ти. По видимому, обращение Иакова произошло после воскресения Господа. По крайней мере в 1 Кор 15_{7,8} ап. Павел явно сопоставляет явление Господу себе с явлением Его Иакову и противопоставляет себя с Иаковом прочим апостолам. [с. 39] Дальнейшая христианская деятельность Иакова видна из того, что ап. Павел поставляет «братьев Господних» между «прочими апостолами» и «Кифою» (1 Кор 9₅).

Кроме Петра, ап. Павел видел лишь «Иакова, брата Господня» (Гал 1₁₇₋₁₉). Едва ли это случайность. Можно думать, что этим Павел хотел «представить» всей Церкви – как 12-ти апостолам, в лице Петра, так и местным христианам, в лице Иакова, их епископа. Отсюда ясно, что к тому времени положение Иакова в отношении к Церкви стало вполне определенным: он попал в число «столпов» (Гал 2₉). Но, несмотря на то, Иаков не вошел в кружок 12-ти. Постановления апостольские (2₅₅, 6_{12,14}) явно выделяют его из числа 12-ти. «Мы, двенадцать, собравшись в Иерусалиме, явились Иакову, Брату Господню» (Пост. 6₁₂). Положение его, как и Павлово, – вне кружка 12-ти: в Пост. 6₁₄ перечисляются имена апостолов из числа 12-ти, а потом присоединяется еще: «Иаков, Брат Господень и еп. иерусалимский, и Павел, учитель языков». Точно так же и Евсевий Кес[арийский] (Ц.И. I₁₂) причисляет Иакова к числу 70-ти и говорит (7₁₉), что он, Иаков, «первый получил епископство над Иерусалимскою Церковью от Самого Спасителя и апостолов», т. е., другими словами, исключает его из числа апостолов. В Четьх-Минях (23 окт) Иаков, Брат Господень, также причисляется к 70-ти.

⁵⁰ В иудаизме имеются семь заповедей (развитых из тех немногих, что были даны Ною), обязательных для так называемых *пришельцев врат*, т. е. для язычников, обращающихся к иудейству, но не принимающих обрезания. К ним относятся: воспрещение идолослужения, богохульства, человекоубийства, кровосмешения, воровства, вкушения крови и удавливания, а также предписание повиновения начальству и гражданским законам. Некоторые из этих заповедей приняты на Иерусалимском Апостольском Соборе для язычников, обращающихся в христианство (Деян. 15, 29).

⁵¹ Ко времени пришествия Христа Спасителя мы уже встречаем довольно большое число язычников, принявших иудейство, которые были известны под именем *пришельцев врат*, если принимали иудейство без обрезания, и *пришельцев правды*, если принимали и обрезание.

В Евангелиях братья Господни почти всегда упоминаются вместе с Матерью Иисуса и противопоставляются ученикам, [с. 40] верующим, слушающим Слово Господа и исполняющим его (см. Мф 12₄₇₋₄₉. Мр 3₃₁₋₃₅. Лк 8₁₉₋₂₁. Ин 2₁₂. Ин 7_{3,5}. Деян 1₁₃₋₁₄).

Очевидно, они не веровали. Но нет оснований думать, чтобы они, как Павел, были вовсе враждебны. Вероятнее всего, что у них не было окончательного воззрения на своего Брата и, среди неопределенности и сомнений, они провели все время до воскресения Господа, когда сомнения рассеялись.

Если судить по Посланию Иакова, то можно думать, что он слышал проповеди Спасителя и слагал Его слова в сердце своем. В самом деле, Послание пронизано духом и даже речениями нагорной проповеди. Чувствуется, что это – не книжное изучение Благой Вести, а усвоение ее исподволь, в жизни, когда слова и идеи делаются частью души. Вот несколько параллелей Послания и Слов Спасителя:

Мф 5₁₇: Спаситель называет новозаветное откровение исполнением закона.

Мф 5₄₈: Господь зовет к совершенству (ἔσεσθε... τέλειοι).

Мф 7₂₁, 5₁₉: по Спасителю нужно исполнять и закон, и добрые дела.

Мф 7₂₁: ὁ ποιῶν τὸ θέλημα τοῦ πατρὸς μου.

Мф 5₁₉: «малейшая заповедь».

Мф 7₂₃ (5₄₄ 19₁₉): центральные заповеди о любви.

[с. 41] Мф 7₇: в нужде должно обращаться к Богу; при этом утверждается исполнение молитвы.

Мф 6₂₅: важнейшая христианская добродетель – смирение, без которого невозможно спастись.

Мф 7₁, Лк 6₃₇: должно избегать суда над ближними.

Мф 5₇, 6₁₄, 7₂: милосердие.

Мф 5₅: кротость.

Мф 5₂₂: предостережение от гнева.

Мф 5₃₄: запрещение клятвы.

Мф 5₁₀₋₁₂: увещание к радостному перенесению страданий.

Мф 6₂₄: избегать дружбы с миром.

Мф 5₄: призыв к покаянию.

Мф 15₁₉: грех имеет свое основание в пожеланиях и похотях человеческого сердца.

Лк 12₄₇₋₄₈: знание усиливает степень преступности.

Мф 13_{3-23, 31}: притча о сеятеле.

Лк 12_{40, 46}. Мф 24₃₃. Мк 13₂₉: последний суд и нелицеприятный Судия.

Иак 1₂₅, 2₁₂: Иаков называет его «законом совершенным», «законом свободы».

Иак 1₄, 3₂: Иаков ставит целью жизни совершенство (ἵνα ἦτε τέλειοι; τέλειος ἀνὴρ).

Иак 1₂₂, 2₁₄ и др.: то же.

Иак 1₂₂: γίνεσθε δὲ ποιηταὶ Λόγου. – 1₂₃: ποιητής (Λόγου).

Иак 2₁₄: ἔργα μὴ ἔχη.

1₂₅, 2₈: то же.

Иак 1₅: то же.

Иак 4_{6, 10}, 1₉: —>—

Иак 4₁₁, 5₉: —>—

Иак 2₁₃ —>—

Иак 1₂₁, 3₁₃ —>—

Иак 1₂₀ —>—

Иак 5₁₂ —>—

Иак 1₂, 5₁₀ —>—

Иак 4₄ —>—

Иак 5₁₆ —>—

Иак 1₁₄ —>—

Иак 4₁₇ —>—

Иак 1₂₁, 3₁₈: образ сеяния.

Иак 5_{7, 9} и др.: то же.

[с. 42] Таково Послание Иакова, «лучшее, что есть в иудейском христианстве», этот христианский отклик на умолкнувшее пророчество древних пророков.

И смерть этого последнего пророка и первого епископа была подобна смерти пророков. Последние же слова его были словами Христа: «Молю Тебя, о Господи Боже, Отче, прости им, ибо не знают, что творят» (Евсев. Церк. Ист. II₂₃). Как при жизни, так и в особенности в момент смерти, сходство с Господом сказалось с непреодолимою силой.

В заключение приведу описание наружности Иакова, по иконописному подлиннику XVIII в.⁵²: «Месяц октоврий, 23. Святого апостола Иакова, брата Господня по плоти; подобием сед, брада долее Власиевой, на конец космочки, риза святительская, белая, пробелена лазурью, испод дичь⁵³, в омофоре, рукою благословляет, а в другой Евангелие, на теле власяницу всегда имел и т. д.»^{*}

Подг. к печати и прим. *Е. С. Полищука*

⁵² Подчеркнув эти слова, Муретов поставил на полях вопросительный знак.

⁵³ Дичь – составная краска неопределенных темноватых («диких») тонов.

* Вестник Общ. древне-русс. иск. при Моск. Публ. Муз[ее]. Изд. под ред. Г. Д. Филимонова. 1874–76. М. 1876. «Материалы», стр. 61. – *Прим. П. Ф.*